

Полдень. Палящее солнце безжалостно испепеляло город в пустыне, именуемый Глоткой Миража. В этих бескрайних песках даже в самом процветающем оазисе воздух оставался таким сухим, словно мог вспыхнуть от малейшей искры.

Несмотря на это, на рынке стоял несмолкаемый шум. Торговцы наперебой расхваливали свой товар: специи, ткани, металлическую утварь, инкрустированную дешевыми камнями, и игрушечное снаряжение для авантюристов. Тут же, в клетках, томились диковинные звери и перепуганные рабы из иных земель.

Вэйиньсы шел сквозь толпу. Его ярко-красные длинные волосы были убраны под белую льняную повязку, и лишь несколько непокорных прядей, прилипших к шее от пота, выбивались из прически. Его глаза, такого же алого цвета, как и волосы, были слегка прищурены, скрывая взгляд от слепящего солнца и одновременно отсекая любопытные взоры окружающих.

Кожа Вэйиньсы под беспощадными лучами оставалась почти мертвенно-бледной, резко контрастируя с бронзовым загаром местных жителей. Это был природный оттенок его расы, сформировавшийся за века охоты в лесах, укрытых вечными снегами. Его мягкие черты лица и изящная, андрогинная внешность в сочетании с этой необычной кожей делали его крайне приметным в городе, где верховодили люди и немногочисленные представители других короткоживущих рас. В этом мире лишь древние и могущественные народы могли сохранять свою внешность неизменной вопреки силам природы.

Некоторые прохожие замечали Вэйиньсы и, разглядывая его, начинали перешептываться с товарищами:

— Глянь на него, иноземец, что ли?

— Сам ты иноземец, разве они так выглядят? Скорее всего, из какой-то другой расы.

— Говорят, в этом городе к нелюдям относятся жестко, а он вон как спокойно разгуливает.

Один из торговцев, услышав их разговор, поспешил вмешаться:

— Господа, вы впервые в Глотке Миража? Тот человек — не из тех, на кого стоит заглядываться нам, простым смертным. Но я могу подсказать вам местечко, где вы точно отлично проведете время с прекрасными иноземками.

У Вэйиньсы был острый слух, он слышал эти разговоры, но уже давно привык к любопытству, жадности, настороженности и даже нескрываемой злобе, исходящей от окружающих. Сейчас он не обращал на это никакого внимания. Сегодня, как обычно, он собирался прогуляться в районе Северных ворот.

Северные ворота были местом, куда прибывали все чужаки, а рынок, на котором он находился,

был неизбежным путем к гильдии авантюристов. Хотя здесь и царил хаос, именно тут чаще всего можно было встретить простаков, которые жаждали легких денег, но не блистали умом. Для Вэйиньсы такие люди были не только источником информации и дешевой рабочей силы, но и потенциальными клиентами. Стоило появиться новичку, который ничего не знал об этом городе, но стремился к быстрому успеху, как Вэйиньсы находил способ убедить его добровольно расстаться с золотом.

Обман, ложь и крупица доверия — благодаря этому Вэйиньсы за шесть лет превратился из беглого оборванца, борющегося за выживание, в заметную фигуру в преступном мире Глотки Миража.

Сейчас он ступал уверенно, пробираясь сквозь тесный рынок и привычно уклоняясь от зазывал и торговцев подделками. Его взгляд, словно у сокола, сканировал толпу, оценивая каждое новое лицо, взвешивая их ценность и возможную угрозу.

Однако, когда Вэйиньсы уже почти вышел с рынка к площади у Северных ворот, чья-то фигура внезапно возникла перед ним.

У прилавка в самом конце ряда стоял мужчина. Его ослепительно-серебристые волосы свободно ниспадали на плечи, словно струящийся лунный свет. Левый глаз, чистого золотого цвета, обладал дикой, прозрачной ясностью, которая выделялась даже в тени, тогда как правый был мутно-серым, словно подернутым дымкой.

На нем была странная, старомодного покроя рубаха из неопределенного материала, обнажающая руки. Его кожа имела здоровый светло-коричневый оттенок, резко контрастирующий с бледностью Вэйиньсы. Под палящим солнцем его вид казался совершенно неуместным: он словно вовсе не замечал зноя, от которого воздух дрожал и плавился, и от него веяло прохладной влагой лесной чащи.

Этот человек с легкой улыбкой слушал, как торговец — тот самый, что обманывал новичков, всучивая им бесполезные кольца с низкой прочностью — расхваливал свой мусор. Улыбка незнакомца выглядела теплой, но у Вэйиньсы от нее внутри все похолодело, словно он провалился в ледяной склеп.

Вэйиньсы резко остановился. Мышцы напряглись до предела, конечности онемели, кровь в жилах, казалось, застыла, чтобы в следующую секунду ударить в голову. Он вновь ощутил ледяную ненависть, которую так старательно пытался забыть, и страх, проникающий в самую глубину души — тот самый, в котором он не хотел признаваться даже себе.

Эта фигура, это лицо, эти глаза... Даже спустя шесть лет, даже когда он намеренно запрещал себе вспоминать, всё было отчетливо, словно случилось вчера.

Шань. Его учитель.

Тот мужчина, который, подобно неотвратимой тени, ворвался в его спокойную жизнь в тринадцать лет и силой увел из деревни, прочь от любимых людей. Тот, кого он ненавидел всей душой, но в глубине сердца был вынужден признавать его силу, и кого однажды, в приступе абсурда, даже принял за собственного отца.

Шань почувствовал на себе взгляд, поднял голову и мгновенно выхватил фигуру Вэйиньсы. В тот же миг в глазах Шаня, всегда сиявших мягкостью, промелькнуло удивление, которое тут же сменилось чистой, почти детской радостью.

Он отложил кольцо и, не колеблясь, зашагал навстречу Вэйиньсы.

— Вэйиньсы, — голос Шаня звучал всё так же, мягко и с ноткой радостного изумления. В нем была особая пронзительность, позволявшая легко преодолеть шум толпы и достичь слуха Вэйиньсы.

Однако этот знакомый, нежный голос вызвал у Вэйиньсы спазм в желудке и мгновенное, физическое отвращение.

Сколько времени никто не называл его так? Шесть лет или больше? С тех пор как он сбежал из-под контроля этого человека, покинув родные леса, он думал, что никогда больше не услышит этого имени, что навсегда отрезал себя от источника своих страданий и стер ту часть прошлого.

Теперь он — Моэрболу, торговец информацией и зельями, живущий в пустынной стране, а не тот Вэйиньсы, что был заперт в лесной глуши и скован цепями долга.

— Ты ошибся, — Вэйиньсы намеренно сделал голос низким и хриплым, будто его терли наждачной бумагой, изо всех сил стараясь скрыть внутреннее смятение. — Меня зовут Моэрболу. Я не знаю того, о ком ты говоришь.

<http://bllate.org/book/22458/2361940>